

## НЕВОСТРУЕВ С. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

*НЕВОСТРУЕВ Сергей Александрович, родился ок. 1870. Окончил духовную семинарию, служил псаломщиком церкви в Ленинграде, с 1923 — счетоводом в инвалидной артели. В марте 1935 — выслан с женой и дочерью в Куйбышев на 5 лет, позднее переехали в Череповец. В мае 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.*

<28 мая 1936>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

Ваше сердечное отношение к людям, Ваша неоценимая помощь, в которой Вы не отказываете страдающим, а, с другой стороны, крайне тяжелое положение мое и моей семьи дают мне смелость тревожить Вас. Из прилагаемой копии моего заявления Верх<овному> Прокурору А. Я. Вышинскому Вы увидите, что я, лишенный права жительства в Ленинграде, а также и то, почему я считаю несправедливой в отношении меня такую меру. Обращаясь к Вам и ища Вашей помощи я хочу обратить Ваше внимание на те исключительные обстоятельства, которые эту высылку сделала для нас особенно тяжелой. Я сын провинциального чиновника (а ранее преподавателя Гимназии). С 9 лет сирота. Окончил курс Дух<овной> Семинарии. С 20 лет страдаю редкой и чрезвычайно осложнившей мою жизнь формой нейростении — агорафобией (боязнь пространства), выражающейся в безотчетном страхе при попытках перехода площадей, длинных мостов, очень широких улиц и пространства, незащищенного постройками. В остальном я психически здоров и трудоспособен и в труде нахожу успокоение и радость жизни. С молодых лет по 1923 г<од> служил псаломщиком при Спасо-сенновской церкви в Ленинграде. Это занятие я выбрал в поисках легкой работы, не обременительной для здоровья, без всякого тяготения к нему, в чем искренне каюсь. Это занятие всегда лежало тяжелым грузом на моей душе, вызывая насмешки моих близких. В 1923 г<оду> я бросил самовольно это занятие, не желая идти против общественного течения и надеясь в коллективном труде найти право не спокойную жизнь. Последние 6 лет я работал счетоводом в Ленингр<адской> инвалидной артели "Ответственная Охрана", отдавая все свои силы труду, и неизменно ежегодно меня награждали денежными премиями и дважды грамотами на звание ударника. Охотно нес и обществ<енную> нагрузку (лик<видация> без<грамотности>). Лишенный жительства в Ленинграде, спешно распродав за гроши имущество, я выехал в Самару (Куйбышев), где из-за дороговизны не мог найти жилья (жили на чужой жилплощади). Из Куйбышева мы бежали от малярии. Измученный я решил переехать с семьей в какой-нибудь районный небольшой городок на север, чего требовало состояние здоровья моей жены. Теперь мы в Череповце, Ленинградской области. Но жизнь и здесь не сулит мне ничего, кроме горя. Здесь дешевле жизнь и можно найти комнату, но значительно труднее с работой, и я боюсь и думать о том, что ожидает меня с семьей, когда мы проедем остатки имущества. Лучше бы умереть, но смерть ведь не приходит по заказу. Да и можно ли думать о смерти, имея такую семью, как моя. В семье у меня жена 64 лет, дочь 35 лет, психически больна, с детства нетрудоспособная. Жена моя пролетарского происхождения, дочь рабочего. Всю жизнь отдала больной дочери, не имела личной жизни. Жена — человек редкой честности и терпеливо, безропотно несет свой крест, хотя глубоко страдает. И я глубоко несчастен и скорблю от сознания, что причиной страданий моей жены являюсь я. Брак со мною, больным нейростенией, дал ей большого ребенка, ради брака со мной она терпит высылку, лишилась своего угла, лишилась города, в котором родилась, потеряла последнюю радость —

видеть своих родных, сестер, которые утешали ее, поддерживали ее морально, помогали в уходе за дочерью. В своем заявлении Верх<овному> Прокурору я прошу об отмене постановления о моей высылке из Ленинграда по основаниям, там указанным. Но то, что я пишу Вам, зовет к милости, к чувству человеколюбия. Жить нам осталось недолго, и возвращение в Ленинград дало бы мне возможность прожить остаток жизни в спокойных трудовых условиях, поместив в больницу нашу дочь, которую жена имела бы все же вблизи себя. Я сохранил трудоспособность и силы. Но начинать строить жизнь в незнакомом городе, не имея вблизи ни родных, ни знакомых и даже своего отдельного угла, при моей исключительной болезни, не по силам мне и моей несчастной семье. Что же остается? Я растерялся. Я не могу ответить на этот вопрос. Каждый обязан трудиться, и каждому должна быть предоставлена возможность заниматься честным трудом. Право на труд неотъемлемое право советского гражданина. И в Ленинграде я бы нашел себе работу, легко, как раньше, приспосабливаясь к требованиям моей болезни (агрофобия). Найду ли я труд в провинции, и кто поможет мне работу. У меня последняя надежда на Вашу помощь. Умоляю Вас, Екатерина Павловна, помогите мне вернуться в Ленинград, где я могу устроиться на работу, успокоить свою несчастную жену, устроить в больнице психически больную дочь. Здесь, в Череповце, мне и моей семье грозит голодное умирание.

Простите, что беспокою Вас. Только горе, тяжелое горе дает мне смелость Вас тревожить.

28/V-1936 г<ода>.

Невоструев Сергей Александрович.

Мой адрес: Череповец, Ленинградской области, Социалистическая улица, дом № 85»<sup>1</sup>.

*На письме — помета заведующего юридическим отделом:*

«1) Копию пересл<ать> в Прок<уратуру>.

2) Запр<осить> — пересм<отрено> ли дело и послать ответ».

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1521. С. 61-64. Автограф.